

*Этот роман посвящается тем, кто ищет выход
из тьмы. И тем, кто идет им навстречу.
Да поможет вам интуиция.*

СРЕДА,
1 ФЕВРАЛЯ,
07:06

Я все еще держу в руках машинку для стрижки, предназначенную специально для длинных волос. Ее монотонная вибрация передается моему телу. Ключья темно-каштановых прядей, похожие на маленькие птичьи гнезда, валяются в раковине, словно пережиток той личности, которой я больше не являюсь. Словно от моего прежнего «я» осталось всего-навсего три миллиметра. Я смотрю на себя в зеркало, прямо в глаза, но вижу брата. Я никогда не понимала, насколько мы с ним похожи. До сих пор. До этого самого момента. Моя голова обрита, а взгляд скептичен. В точности как у него. Только мои глаза — чернильно-черного цвета. Выключаю машинку и кладу ее на полку. Рядом с допотопным стаканом, в котором теперь стоит лишь одна зубная щетка.

В среднем в теле человека циркулирует пять-шесть литров крови.

А может, и больше.

СРЕДА,
8 МАРТА

ДЖЕЙКОБ

Она неотрывно смотрит на дверь, словно это мишень. Шарф и шапка зажаты в руках, куртка нараспашку. А под ней — безразмерный синий свитер, который доходит девушке до самых колен и грозит поглотить ее целиком. Рукава длинные, слишком длинные.

Звук ее шагов эхом разносится по лестнице, пока я стою в нише возле почтовых ящиков и наблюдаю за ней. Вообще-то я просто хотел узнать, кто там так топает, но потом просто не смог отвести взгляд.

Я знаю ее. Она училась в моей школе. Младшая сестра одного парня из моей параллели. Довольно симпатичная, но всегда какая-то серая, неприметная, как мышь. И к тому же слишком юная. Но сейчас ничего этого и в помине нет. Теперь ее не назовешь серой мышью, да и чересчур юной она уже не кажется. Я рассматриваю ее шею, стриженную налысо голову и длинные ноги. Она стройная, как лань, но двигается, словно воительница. Громко топая, спускается по лест-

нице, целеустремленно и порывисто. От той неприметной девушки, которой она была раньше, осталось только три миллиметра. Остальное она сбрила.

На ее узком лице застыло непреклонное выражение. Темные брови выделяются на светлой коже, словно роспись на лицах племенных индейцев. В нижней губе — пирсинг: серебряное колечко с маленьким шариком, которое поблескивает в слабом освещении коридора.

Спустившись до моего этажа, она замечает меня и внезапно останавливается. Как будто кто-то нажал на кнопку «стоп». Я жду, что она что-нибудь скажет, но девушка ничего не говорит. Лишь хмурится и, прищурившись, смотрит на меня. Ее глаза черны, как влажная земля.

Наши взгляды встречаются, и это длится чуть дольше, чем необходимо. Несколько секунд. Но потом она обматывает шею шарфом, надевает шапку и исчезает за завесой снегопада.

ЛУИЗА

Мы с мамой сидим за кухонным столом и молча поглощаем совершенно безвкусное карри. Соус вязкий и желтый, мясо сухое. Зато сытно. Я смотрю на место рядом с собой. Эта неиспользуемая часть пространства лежит между нами, словно мемориал. Мы похожи на персонажей настольной игры. В самом начале нас было четверо, но теперь — всего двое. По крайней мере, в этот раз хотя бы мама дома.

Когда полтора года назад ушел папа, мы придвинули стол к стене, потому что мама говорила, что так кухня будет казаться чуть просторнее. Но в действительности причина была не в этом. По правде говоря, все дело было в пустоте, которую мы трое никак не могли заполнить. У стола ведь четыре стороны.

Несколько дней спустя Кристофер повесил на стену над папиной стороной стола большую картину. Уродливого клоуна, очень похожего на нашего отца. Удачное приобретение. Никогда не забуду, как мы смеялись. Мама, мой брат и я. Это было дерьмовое время. Но мы смеялись.

Мой взгляд падает на клоуна, и я внезапно встаю: ножки стула царапают плитку, и мама замирает с ложкой на полпути ко рту.

— Можно, я сниму это? — спрашиваю я, указывая на изображение.

Она откладывает ложку и кивает. Я ставлю клоуна на пол лицом к стене и снова сажусь на свое место.

— Как прошел твой визит к доктору Фалькштейну? — спрашивает мама, не глядя на меня.

— Отлично, — говорю я. — Думаю, мне лучше.

— А на самом деле? — настаивает она.

— Все прошло хорошо, — отвечаю я, умалчивая о том, что не смогла выдать из себя ничего, кроме «Здравствуйте». Ни единого слова.

— Тебе будет полезно поговорить об этом.

«Об этом». Довольно интригующий словесный оборот, потому что для каждого он означает что-то свое. «Об этом» — это такое прикрытие для демонов. «Об этом не говорят», или «об этом решено молчать», или «об этом я не смею даже думать».

О своем «об этом» я просто хочу забыть. Молча.

ДЖЕЙКОБ

Я выхожу из дома. Воздух холодный и тяжелый, но снег больше не идет. Я поднимаю глаза вверх. Тучи рассеялись, и небо покрылось большими синими пятнами. Они темные, синевато-черные с оттенком фиолетового. Как синяки. Этот цвет напоминает мне о моем детстве.

Когда спускаюсь по ступенькам в метро, воздух, рвущийся мне навстречу, подсказывает, что мой поезд только что ушел. Я плетусь на другой конец платформы, на ходу надевая наушники. Нажимаю на Play, прислоняюсь к колонне и закрываю глаза. Сейчас я постоянно слушаю эту песню. «The Only Thing» Суфьяна Стивенса. Мой брат уже устал ее слышать. Он говорит, что моя музыка сводит его с ума. Или вгоняет в депрессию. Но меня она делает цельным. Вот почему он подарил мне наушники. Они и впрямь хорошо делают свое дело. Теперь я могу чувствовать себя цельным, не вызывая его раздражения.

Я всегда говорю «мой брат», но правильнее будет сказать мой «сводный брат». Для меня он —

самый важный человек на свете. Все, чего он делает много, я делаю мало. Смеется, разговаривает, встречается с друзьями. Я переехал к нему три года назад. И с тех пор существуем только он и я. И его многочисленные подружки. До моего восемнадцатого дня рождения была еще госпожа Кубицки, которая заботилась о том, чтобы все шло как надо. Чтобы я не пренебрегал школьными занятиями, закончил обучение и не попадал в неприятности. Не сказать, чтобы она мне нравилась, но терпеть можно. К тому же я действительно мог выкинуть что-нибудь этакое.

Мой брат, не в пример мне, просто замечательный. Хотя и довольно несамостоятелен. За него все и всегда делала мачеха. Она хотела быть его матерью, а он хотел, чтобы у него была мать. Так что это был идеальный симбиоз. Пока брат не съехал. Тогда он понял, что не имеет ни малейшего представления вообще ни о чем. Но вместо того, чтобы чему-то научиться, он позвонил Андреа. С тех пор она приходит к нам раз в неделю, забирает его белье, а через два дня возвращает чистым и выглаженным. Артур подмешивает к своим вещам мои, потому что я готовлю и хожу за покупками для нас обоих. Андреа говорит, что с моим появлением здесь все пришло в норму, и постирать белье она совсем не против. Говорит, что любит это делать.

Ледяной ветер дует мне прямо в лицо: прибывает поезд. Воздух, который он несет с собой, отдает затхлостью и чем-то металлическим. Я от-

ВЕЧНОСТЬ В ТЕБЕ

крываю глаза. Двери распахиваются. Поток людей течет мимо меня. Я захожу в вагон, занимаю место у двери и внезапно думаю о девушке. Об ее темных глазах и круглом затылке. Интересно, каково почувствовать их ладонью? Ее короткие волосы.

ЛУИЗА

Я сижу, скрестив ноги, на кровати, слушаю «No Other Way» Паоло Нутини и жду звонка Минг. Уже двадцать минут девятого — мы собирались созвониться почти час назад.

Когда у тебя только одна подруга, есть кое-какая проблема: если она не позвонит, этого не сделает никто. С другой стороны, Минг гораздо больше, чем просто подруга. Она, скорее, что-то вроде десяти друзей в одном лице. Своего рода концентрат.

Мы знаем друг друга уже почти четырнадцать лет, а значит, дольше, чем в состоянии сознательно мыслить. Минг всегда была рядом. Мы вместе ходили в детский сад и начальную школу, а потом — в одну и ту же гимназию. Мы были неразлучны. В июне прошлого года выяснилось, что отец Минг в течение многих своих так называемых сверхурочных часов вообще не работал. По крайней мере, над проектами. Мисаки — так зовут маму Минг — подала за это на него в суд. Вначале состоялся развод, а потом переезд в Бер-

лин. Минг хотела остаться с отцом, чтобы ей не пришлось уезжать из Мюнхена, но тот перебрался в Штуттгарт к своей коллеге тире подруге тире причине этого самого развода. А Минг? Минг упаковала свою жизнь в коробки, попрощалась со мной и села в машину матери. Это было двенадцатого августа в шесть часов утра. Теперь мы с ней друзья на расстоянии. Она единственный человек, который знает, что скрывается за моей маской. Был еще и другой, но он мертв.

Песня закончилась. Я включаю ее еще раз. И тогда, наконец, иконка Skype на моей док-станции начинает подпрыгивать. Я принимаю вызов, и видеосвязь устанавливается.

— Мне очень, очень жаль, — говорит Минг, — но наш дурацкий семейный ужин, — последние слова она берет в кавычки, загибая пальцы, — длился, как обычно, намного дольше, чем мне хотелось.

«Семейный ужин». Эти слова как удар. Я уворачиваюсь от него и спрашиваю:

— А что произошло?

— Да так, ничего особенного, — говорит она и меняет тему.

Раньше мы с Минг говорили обо всем. О большом и малом. О важном и неважном. Теперь же мы в основном говорим обо мне. О том, как у меня дела. Или на безопасные и поверхностные темы, которые на самом деле никого не интересуют. Я как зона боевых действий, как поле, полное противопехотных мин, которое Минг пытается

пересечь. Она инспектирует содержимое и устраняет все, что может причинить мне боль. И делает это по понятным соображениям. Потому что ей не хочется ухудшать ситуацию. Но как раз этим она и делает все еще хуже. Потому что таким образом отгораживается от меня. Ради меня.

— Ты снова сбрила волосы, — говорит она.

«Поверхностная, безопасная тема».

— Да, позавчера, — говорю я. — Решила добавить шика в мой первый прием у доктора Фалькштейна.

Минг усмехнулась.

— Понятно. И ты так и будешь ходить?

— Ну да, — говорю я и тут же добавляю: — А что? Ты считаешь, это глупо?

— Нет, — говорит она. — Совсем нет. Не будь я такой невероятной трусихой, то и сама попробовала бы.

Я пытаюсь представить, как будет выглядеть Минг с налысо выбритой головой. Было бы жаль ее волосы: они длинные, светло-каштановые и безумно блестящие. У нее азиатские волосы, а они, по-моему, блестят сильнее всех других. И все же Минг бы пошло. Мне кажется, ей идет почти все.

— Я просто спросила, — наконец, говорит Минг. — Потому что ты уже давненько не сбривала волосы. — Краткая пауза. — И вот я подумала, что, может, ты снова их отращаиваешь.

— Нет, — говорю я, проводя руками по голове. — Мне нравится так.

— Мне тоже, — говорит Минг. Картинка чуть покачивается, когда она перекладывает телефон из одной руки в другую.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я. — Есть новости?

— Почти ничего, — говорит она.

Она всегда так говорит.

— А как тебе этот доктор Фалькштейн? Я имею в виду, он хороший специалист?

Вот мы и вернулись ко мне. Снова. Все, чего я хочу, — это время от времени забывать о том, что произошло. На несколько минут отказаться от правды и затеряться в обыденности. В рассказах о жизни Минг. О Берлине и ее новой школе. О парнях. Обо всех тех вещах, о которых она рассказала бы мне раньше.

— Ну, он терапевт, — говорю я.

— А какой у него кабинет?

— В британском духе.

Минг скользнула по мне своим осторожным взглядом.

— Ты собираешься с ним разговаривать?

Все думают, что это помогает. Иногда мне интересно почему.

— Без понятия, — говорю я. — Не знаю, к чему это все.

— Мне кажется, — улыбается она, — что очень здорово, когда у тебя есть возможность рассказать кому-то обо всем.

— Ты можешь рассказать обо всем мне, — говорю я.

— Знаю, — говорит она. — Но я имею в виду постороннего человека. Кого-то, кто тебя совсем не знает. Кому о тебе известно только то, что ты рассказала ему сама.

Может, она и права. Возможно, поговорить с тем, чья роль заключается только в том, чтобы слушать тебя, — это что-то совершенно иное.

— Ах да, о чем еще я хотела тебя спросить, — она снова меняет тему. — Что твоя мама сказала о пирсинге?

Я на автомате хватаюсь за нижнюю губу и прокручиваю маленький шарик между пальцами.

— Ничего, — отвечаю я. — Мне простительно. Наверное, она думает, что это мой способ справиться с этим.

«С этим». Та же история, что и с «об этом».

ДЖЕЙКОБ

Тренировка меня утомила. Руки налиты свинцом, шея напряжена. Мне действительно следовало сходить в магазин заранее. Супермаркет переполнен. Пол коричневый и грязный.

Я прохожу по рядам и останавливаюсь перед полкой с кофе. На лицевой стороне одной из упаковок отпечатано изображение плантации. Люди, улыбаясь, собирают кофе. Земля под их ногами черно-коричневого оттенка. Как ее глаза. Я вижу выбритую налысо голову и тот ее суровый взгляд. Взгляд, похожий на удар. Как стена ярости, за которую она никого не пускает. Я — такой же.

СРЕДА,
15 МАРТА